

АДСКОЕ ПЛАМЯ 4

ЛИАТ. СОЖЖЕННАЯ ЛЬДОМ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

УЛЬЯНА СОБОЛЕВА

Ульяна Соболева

Лиат. Сожженная льдом

«Автор»

2026

Соболева У.

Лият. Сожженная льдом / У. Соболева — «Автор», 2026

Она предала меня. Та, кого я полюбил со всей адской дикостью. Она обрекла меня на смерть и на унижения...Но она не учла одного - Арис Одияр бессмертен, потому что жажда его мести неистребима. Я выдеру свободу для себя с мясом, а лживую тварь заставлю ползать передо мной на коленях и умолять меня о пощаде для нее и для ее проклятого отца. Я сожгу все ее мечты, я превращу дочь Аша в пепел и подарю ему на память!Пришло время взойти на трон Мендемая его истинному наследнику! мнЕ!

© Соболева У., 2026

© Автор, 2026

Содержание

АННОТАЦИЯ	6
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	22
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Ульяна Соболева

Лиаг. Сожженная льдом

ЛИАГ. СОЖЖЕННАЯ ЛЬДОМ

Ульяна Соболева и Вероника Орлова

Предисловие

Мы обещали вам эту историю уже очень давно, и наконец-то появилась возможность начать этот роман, которого ждали очень многие.

Немного о героях и о мире. С Мендемаем вы знакомы, но он за эти годы изменился. Насколько? Вы увидите сами. Теперь он больше напоминает Дикий Запад или мир постапокалипсиса. Цивилизация вперемешку с полным ее отсутствием. Кое-что смертные и бессмертные из нашего мира смогли привезти в Ад. Поэтому теперь там одеваются не так, как раньше, а гладиаторы не носят набедренных повязок.

Немного о героях.

Арис – сын Фиена и Шели, потерявшийся на фоне войны в Мендемае во второй части серии. О тайне его рождения знает лишь сам Аш и Веда. Кто не помнит – перечитайте :)

Мальчик попал в рабство к эльфам и чудом выжил в лютых условиях. Он мечтает отомстить матери, убийце отца и даже их дочери, которая отобрала то, что должно было принадлежать ему по праву. Он жаждет свободы и справедливости.

Лиаг – демоница. Дочь Аша и Шели. Единственная наследница. Своевольная, дерзкая, упрямая. Владеет своей армией гладиаторов. Ее смертники (так называют гладиаторов в Мендемае) участвуют во всех боях, устраиваемых знатью в Мендемае, и обычно приносят ей победу.

Они встретятся – Арис и Лиаг. Он – раб, а она – принцесса. Он – ее вещь, а она – его хозяйка. Что получится из этой встречи, вы узнаете в книге.

Мы не обещаем вам красивой любви. Нет. Мы обещаем вам дикую страсть, замешанную на лютой ненависти, адскую жестокость (потому что это Ад) над всеми героями, в том числе и жестокость от главного героя по отношению к главной героине, насилие без границ и много крови, боли и страданий.

Но мы так же обещаем вам ХЭ.

Не страшно? Тогда погнали напрямиком в Ад.

АННОТАЦИЯ

Она предала меня. Та, кого я полюбил со всей адской дикостью. Она обрекла меня на смерть и на унижения... Но она не учла одного – Арис Одияр бессмертен, потому что жажда его мести неистребима. Я выдеру свободу для себя с мясом, а лживую тварь заставлю ползать передо мной на коленях и умолять меня о пощаде для нее и для ее проклятого отца. Я сожгу все ее мечты, я превращу дочь Аша в пепел и подарю ему на память!

Пришло время взойти на трон Мендемая его истинному наследнику! МНЕ!

Глава 1

Мне казалось, всё это происходило не со мной. Что это морок, наведённый сильной колдуньей, и я со стороны наблюдаю собственную свадьбу. Точнее, заключение политического союза между нашими расами. Мне хотелось смеяться. Хотелось сорвать со своих волос почти прозрачную золотистую вуаль, сотканную, казалось, из сотен тысяч тончайших нитей, закрепленных между собой россыпью сверкающих на солнце бриллиантов. Пока совсем молоденькие эльфийки закрепляли её на моих волосах, я смотрела в зеркало и видела, как она ложится на них подобно паутине, как опутывает меня в свои сети, крепко стискивая, не позволяя двинуть шеей. Почти невесомая и в то же время давившая, как мраморная плита. Мраморная плита по нам с тобой, демон. По той сказке, которую так увлечённо рассказывал мне ты и в которую с такой наивностью поверила я. Она намертво вбита в нашу общую с тобой могилу. В ту самую, что оказалась под плотной коркой льда. Он был прав. Я была мёртвая. Он ошибался только в том, что называл таковой для себя. Я умерла насовсем. Для всего остального мира и для себя самой. Просто очнулась в какой-то миг в теле, которое продолжало дышать, продолжало ходить и двигаться, оно что-то произносило изредка, но в основном оно молчало... а я чувствовала, как задыхаюсь в этом гробу. Моё тело стало той самой моей могилой. И если бы не понимание, что оно могло принести пользу моей семье, моей расе и моему отцу...

Я впервые была настолько мёртвой, что не ощущала ни боли, ни голода, ни испепелявшей жары. Тихий вскрик одной из служанок, когда в самое опасно время дня я вышла под палящее солнце, чтобы посмотреть, как сгорает земля. Жуткое зрелище. Видеть, как захлёбывается в судорогах жажды сама почва, как извиваются от палящей сухости редкие кактусы с чёрными смертоносными иглами, то пригибаясь вниз, словно моля о капле воды, то взвиваясь кверху, будто кляня само небо за эту беспощадную пытку. Тихий вскрик, который сначала привел в недоумение, потому что девчонка вдруг подбежала ко мне и расширенными от испуга глаза смотрела на мою обнажённую руку. Здесь никогда не появлялись днём в одежде с короткими рукавами, чтобы не получить множественные ожоги. Изнывая от жары, они тем не менее предпочитали скрывать полностью всю поверхность кожи, не желая становиться жертвой самого жестокого существа этих мест – солнца. Даже моя тонкая вуаль была создана из специальных нитей, волокна которых отталкивали солнечные лучи, не давая им сжечь волосы.

Оно прожгло в моём гробу дыру. Солнце. Оно нахально скалилось своими острыми лучами-кинжалами, испепеляя кожу на моём запястье, а я не ощущала боли, только удивилась шипению, раздававшемуся так близко, что я не сразу поняла, откуда оно идёт. Так горела моя плоть.

Эльфийка попыталась оттащить меня из-под солнечных лучей под легкий навес, протянутый между моим шатром и шатром Барата, а мне не нравились её прикосновения к моему гробу. Они оскверняли мою могилу, не давая смотреть вперёд. Туда, где всё ещё висело его тело. Где оно корчилось от мучительной боли, несмотря на то, что он перестал испытывать её... точнее, понимать, потому что потерял сознание.

Служанка что-то быстро лепетала на родном языке, а мне хотелось заткнуть эту дуру, возможно, даже отрезать ей язык за то, что мешала мне проститься с ним. Мама рассказывала, что в мире смертных при погребении человека близкие прощались с ним вслух. Вспоминали самые лучшие моменты и рассказывали о них, словно обещая, что пронесут через всю оставшуюся жизнь даже самые ничтожные, самые незначительные эпизоды, тем самым не дав раствориться душе человека в безызначности.

Я тоже разговаривала с ним, только беззвучно. Я тоже обещала. Но не ему, а себе. Обещала забыть, каково это – чувствовать космос над головой, когда звезды не убивают своим жестоким светом, а взрываются на мириады молекул от наслаждения. Я обещала забыть каж-

дое сказанное им слово, чтобы не заходиться в агонии от того, как они превращались в труху у меня на глазах. Все его слова. Одно за другим. Сколько дней, сколько лет я ещё буду вспоминать их и чувствовать, как отрывается каждое из них из самого моего сердца? Из памяти, в которую въелось ржавыми крюками тех картин, которые мы рисовали вместе.

«— Он прекрасен...как ты достал его? Где?

Я осторожно дотрагивалась до нежных голубых лепестков самого чудесного цветка, что я видела когда-либо в своей жизни. Коснулась и замерла в восхищении, когда тонкие округлые лепестки сомкнулись вокруг моего пальца. Успела заметить, как напрягся и сразу же расслабился Арис, глядя на меня.

— Он признает в тебе свою хозяйку.

Демон улыбался, а я вдруг поняла, что не могу оторвать взгляда от этой его безмятежной улыбки. Не могу перестать смотреть на него, кажется, стоит отвернуться, и весь мир потухнет без этого света, которым горели сейчас его глаза.

— Ты так и не сказал, где его нашёл?

— Разве это имеет значение? — Арис пожал плечами, склоняясь ко мне, только протянул руку к моему пальцу, чтобы погладить цветок...как тут же выругался и убрал ладонь, — Вот же тварь...

Засмеялась, смотря на то, как он хмурится, разглядывая проколотый острыми шипами палец.

— Поцелуй смерти. Самые прекрасные и самые жестокие цветы в Мендемае. Они отравляют каждого, кто посмеет дотронуться до них, а самых отчаянных и наглых могут парализовать тем ядом, что таится в каждой клетке растения, начиная от корня и заканчивая лепестками. Демоооон...как ты умудрился сорвать его? Точнее, как ты умудрился вернуться с ним на своих двоих?

— Ерунда, — он снова приближается ко мне, чтоб провести ужаленным пальцем по моим скулам...и я понимаю, насколько ему больно, если оставшийся на пальце яд успевает обжечь мою кожу, прежде чем испариться окончательно, — я уже сорвал самый опасный, самый жестокий из поцелуев смерти...эти цветы? Они жалкая пародия на твои поцелуи, моя принцесса.

И я невольно зажмуриваюсь, подставляя свои губы его губам, растворяясь в его словах, плаваясь в них словно под действием самого сладкого яда.

— Они признают за свою короткую жизнь всего одного хозяина. С того момента, как их сорвали, как разлучили с землей, они живут всего лишь день, отравляя всё вокруг опасным ядом, от которого скудеет почва и высыхают любые другие растения. Они избавляются от этого яда, от своей власти, не желая делиться ею, награждать ею любое другое живое существо. Легенда Тартароса гласит, что стоит смазать им всего лишь три стрелы. И с помощью этих трёх стрел можно будет завоевать весь Мендемай. Ты знала это, Лият?

Я качаю головой, готовая слушать его голос вечность...и думая о том, что он ассоциируется у меня именно с ней — с вечностью.

— Но, признав хозяина, они позволяют ему использовать свой яд безнаказанно. Они отдают ему его добровольно, наделяя властью, которой нет и не может быть ни у кого в Нижнем мире. Он признал тебя. А знаешь, что самое интересное, моя принцесса? Увидев его, я подумал, что он должен принадлежать тебе. Как я.

— Он, как ты? Такой же опасный и смертоносный?

Серые глаза темнеют, и Арис медленно качает головой.

— Признавший тебя своей хозяйкой.

Уже шёпотом...и это признание, которое, как я думала, раскрывало всего его для меня...даже не наш полёт...не десятки сказанных слов до или после этого разговора. А именно оно. Когда он, глядя в мои глаза, произносил фразы, которые снились мне потом каждую ночь.

Которые и оказались теми самыми крюками, что вонзились под кожу, в самую плоть, чтобы держать намертво. На привязи у его ног.

– Хозяйкой, которая принадлежит тебе. Помнишь?

И серьезное выражение его лица сменяется ухмылкой, а после каким-то злым оскалом. Притянул меня к себе таким рывком, что я вскрикнула, успев лишь убрать цветок за спину, чтобы тот не обжег моего демона снова.

– Главное – ты не забывай, Кареглазая. Иначе этот яд выжжет чужую землю, на которую ступит твоя нога. И тебя вместе с ней.

Я не смогла оставить умирать это растение в одной из ваз. Я не хотела травить его ароматом каждого, кто рискнет войти в мои покои, и мы посадили его в самой пустыне. В месте, которое было предназначено для этого дьявольского существа. В месте, в которое привел меня Арис, и я думала о том, насколько хорошо он успел узнать меня, если не повредил даже корня цветка, зная, что я не решусь обречь его на смерть.

– Оно ведь не засохнет здесь? – утрамбовывая твердую сухую почву вокруг толстого зеленого стебля с синими венами.

– Нет, – демон улыбается, а у меня сердце срывается от восторга, какой же он красивый и родной...невероятно, невыносимо родной в такие моменты. В моменты, когда смотрит на меня вот так, и я понимаю, что весь остальной мир, он – там. В его блестящих глазах и в хитрой улыбке, – ему не нужна вода. Оно питается чужими жизнями. Насекомых, животных, людей и других рас, растениями. Это поцелуй смерти. Он убивает, сеет погибель всему живому и в то же время продолжает собственную жизнь.»

Я смотрела на него издалека, боясь приблизиться и в то же время чувствуя, как скручивает от потребности сделать хотя бы первый шаг к нему. Один. Затем второй. Третий. Шестой. Под покровом ночи через снег, в котором утопали ноги. Завтра его уже не будет здесь. Завтра алчная почва Мендемая поглотит всю влагу, чтобы продержаться до следующей ночи, чтобы не засохнуть, не пойти трещинами, из которых шли смрадные испарения. А сейчас всё это скрывал снег. Белый. Цвета невинности. Цвета чистоты. Словно насмешка в нашей ситуации. Я не помню, успела ли обуть хоть что-нибудь на ноги, прежде чем кинулась к нему. Кинулась, потому что поняла: он не выдержит этой ночи. Нет, он не сдастся. Предпочтёт умереть, но не признает своей слабости. А я чувствовала его боль. Чувствовала, как она вытравливает жизнь из его тела, как поселилась в нём ледяной лавой. Такая не застывает. Она клокочет в его венах, а мне кажется, стоит закрыть глаза...стоит впустить её в себя, и меня разорвёт на части от неё. А он терпит. Кусает губы в кровь...в мясо и терпит, то теряя сознание на долгие часы, то резко вскидывая голову вверх и ища кого-то взглядом. Мама...разве можно ощущать чью-то боль вот так, на расстоянии? Не отпустив инстинкты, не вбирая её в себя? Ощущать, просто потому что это ЕГО боль?

Соединиться с ним в последний раз. Прикрыв глаза, чтобы открыться навстречу той агонии, что сжирала его сейчас тысячами острых клыков. Они вгрызаются в мою плоть. Они рвут её на части, и я сгибаюсь пополам, не в силах приглушить её. Только тянуть эту тёмную энергию из истощённого, исхудавшего мужского тела. Смотреть, как перестают кровоточить его раны, превратившиеся в язвы, и сильнее стискивать собственные пальцы. До хруста. Он сам сейчас – сплошная рана. И я до дрожи в пальцах хочу прикоснуться, хочу унять страдания, обработать и скрыть под плотной повязкой её. Исцелить. Но понимаю, что тогда эта рана убьёт меня.

Глава 2

Он увидел меня...но не запомнит. Не поймёт, что это я. Спишет на свое воображение. На сон. Или, точнее, ночной кошмар. Мы стали друг для друга ночным кошмаром, демон. И его слова...да, он прав. Я мёртвая. Я такая мёртвая для него. Мёртвая из-за него.

Но перед этим было чудо. Перед этим случилось самое настоящее волшебство. Смешно. Смех с послевкусием собственной крови во рту. Почему именно тогда? Нет, я не спрашивала, почему именно с ним...но почему тогда? Когда он убил меня? Крылья. Гордость вышших высокородных демонов. Крылья. Всё детство я смотрела на крылья отца и представляла, как появятся они у меня. Я так мечтала взлететь к самому небу. Сначала – рядом с отцом, а затем...все последние дни – взлететь в объятиях Ариса. Отец говорил мне, что это произойдёт в самую счастливую минуту в моей жизни. Награда от самих небес, говорил мой отец. Что ж, моя, видимо, оказалась посмертной.

Он смотрит на меня расширившимися удивлёнными глазами, и через секунду этот взгляд сменяет ухмылка. Он решил, что я обманула его. Решил, что узнал ещё об одном моём предательстве, а я не стала говорить, что с готовностью бы отдала эти чёртовы крылья за возможность отмотать время назад. В тот день, когда темноволосый гладиатор впервые поднял на меня взгляд серых глаз. Отмотать и никогда больше не посмотреть в эту серую бездну, чтобы никогда не разбиться в ней.

Он забудет. Я сделаю так, что он решит, что я была лишь сном. Сейчас, эти жалкие минуты, что мы парили под небом, пока его боль вплеталась в мою собственную, чтобы срастись с ней в единое целое. И тогда. Он забудет обо мне. Барат обещал мне его жизнь взамен на его свободу. А пока позволить себе быть жадной. Напоследок. Позволить себе дотрагиваться до него, обманывая себя, что это всего лишь способ облегчить его положение. А на самом деле запоминать наши прощальные касания, чтобы потом вспоминать их и сходить с ума от тоски по ним. Завернуться в этот саван из боли и предательства и чувствовать, как в моём гробу становится тепло. Наконец.

– Моя госпожа, – Эйнстрем озирается по сторонам и, только убедившись, что в шатре никого нет, подходит достаточно близко, чтобы прошептать, – Повелитель, скорее всего, не будет присутствовать на вашей свадьбе. Более того, я думаю, он не знает о ней.

Я нахмурилась, глядя на то, как забегали его глаза:

– Почему? Разве не получили мои родители известие о заключении договора с эльфами ещё две ночи назад?

Да, я сообщила о соглашении с Баратом отцу через гонца. Сообщила в самый последний момент, зная, что, несмотря ни на что, Аш Абигор мог выступить против него. Каким бы выгодным он ни считал этот брак, мой отец после нападения на Цитадель не одобрил бы его.

– Госпожа...

И я срываюсь. Цежу сквозь зубы, приблизившись к нему так близко, что вижу, как выступила испарина над верхней губой:

– Прекрати ходить вокруг да около, Эйнстрем! Что произошло? Почему на моё письмо маме и папе мне не пришло ни одного ответа?

– Нам не удалось связаться с ними.

– Что?

– Ваши родители, они пропали.

– Как пропали?

И Эйнстрем шипит, сжимая мои плечи, давая понять, чтобы я замолчала, не привлекала внимания своим криком.

– Отпусти меня! Что значит, они пропали?

– Госпожа исчезла в поисках... в поисках, а Господин, судя по всему, отправился за ней.

– Эйнстрем, что ты несешь?! Ты сам себя слышишь? Кого или что искала моя мать?

Мне кажется, я слышу, как отдаётся глухим гулом стук сердца в ушах. Это бред. Всё происходящее сейчас – это сон. Тот самый кошмарный сон, который никак не закончится, не позволит вынырнуть в реальный мир, проснуться окончательно. Всё происходящее сейчас – оно не может быть на самом деле! Словно меня кидают из одного кипящего котла в другой, и я чувствую, как слезает кожа, плоть, как обнажаются кости. Страх. Вот теперь мне стало страшно.

– Не могу знать, моя Госпожа. Но она исчезла, и Повелитель искал её, но пока не нашёл, а затем и сам уехал из дворца. Ходит слух, что её удерживают, чтобы иметь влияние на Повелителя.

– Но кто? Дьявол! Я должна поехать туда немедленно. Отменить эту проклятую церемонию и ехать прямо сейчас!

– Нет! – Эйнстрем не даёт выбежать из душного шатра, удерживает за руку и быстро шепчет, периодически осматриваясь вокруг, – Наоборот! Вы должны как можно скорее сочтаться браком с предводителем эльфов, чтобы обеспечить преимущество своему отцу.

– Мы даже не знаем, про кого ты говоришь!

– Какое это имеет значение, Лиат!

Его тон сменяется, становится твёрдым, бескомпромиссным.

– Эльфы – одни из лучших воинов в нашем мире. Мы можем не знать, что на самом деле произошло в Огнемае, но такая мощная поддержка, как армия остроухих, позволит тебе диктовать свои условия в войне за родителей. В любой войне, в которой ты решишь встать на сторону своего отца.

И он прав. Он прав, потому что может мыслить хладнокровно, а не думать о том, что весь мой мир рушится. Сейчас. В эту секунду превращается в прах. В пепел. Кровавый ветер унесёт его поутру, чтобы развеять по всему Мендемаю, превратить в ничто. В то самое ничто, которым сейчас ощущала себя я.

– Моя жена определённо невыносимо прекрасна, – Барат протягивает свои ладони, чтобы взять в них мои пальцы, а я кусаю язык, не позволяя себе вздрогнуть от отвращения. И нет, виной тому не все те слухи, что ходили о его пристрастиях, о его извращённых играх или же жестокости. Я слишком часто участвовала в сражениях, слишком часто видела, как происходят празднования после них, чтобы не иметь представления о том, как расслабляются победители. Как способны растерзать любого, кто оказался по ту сторону битвы и кому не повезло проиграть.

Унизанные толстыми перстнями пальцы ласкают мою кожу, эльф плотоядно улыбается, притягивая меня к себе, а я пытаюсь отстраниться, подавить в себе рвотные позывы. Реакция на его присутствие. Так будет всегда? Всю мою жизнь? И понимать, что да. Что так будет всегда теперь. И не только с ним, а с любым мужчиной. С любым, кроме... но туда больше нет дороги. Можно не испытывать ненависти к Арису. И не потому что во мне всё ещё змеились остатки его агонии, не потому что ещё несколько дней назад, он был для меня почти всем. Я все же не смогу ненавидеть его за это предательство. Потому что понимаю его мотивы. Как бы они ни ранили, как бы ни полосовали сердце наживую... я понимаю его. Некогда благородного демона, лишившегося семьи и свободы. Сколько раз его продавали и покупали? Что может

быть унижительнее, чем знать, что ты не более чем вещь для своих господ? Бесправная вещь. И он использовал малейший шанс, чтобы лишиться оков. Я сама сняла их с него. Он ведь не заставлял. Лгал, да. Готовил восстание, да. Но я сама поверила в эту ложь. Идиотка. Наивная, глупенькая дурочка, решившая познать то, чему не место в пекле Ада.

Я не могла ненавидеть его. Кажется, во мне попросту не было этой способности. И поэтому я ненавидела за это себя. За то, что поверила. За то, что подпустила к себе. За то, что окунулась в космос, на деле оказавшийся бездонной пропастью. За то, что продолжала любить его. Всё ещё продолжала любить.

Эльф разворачивает меня спиной к себе, чтобы снять с волос проклятую паутину. Видит ли он, как она оплела всю меня изнутри и снаружи? Замечает ли, как вплелась под кожу подобно ядовитому плющу, и теперь всё сильнее стискивает горло невидимыми нитями, а я задыхаюсь. Кусаю губы, не позволяя себе отстраниться. Не сдаваться. Не вонзить в его шею спрятанный в рукаве платья нож... я не знаю, зачем взяла его. Не знаю, смогу ли применить, понимая, что от нашего союза зависят жизни сотен моих подданных. Возможно, благополучие тысяч людей моего отца. А теперь ещё и жизни моих самых близких, самых родных людей. Будущее всего Мендемая, замершего в ожидании об официальном объявлении этого чёртового союза. Оно должно произойти на следующее после свадьбы утро, когда брак будет консумирован.

Зажмурилась, ощутив, как холодные руки стягивают рукава платья, обнажая плечи. Омерзительно ледяные пальцы путаются в шнуровке, а я стискиваю челюсти, чувствуя, как потекли по щекам слёзы. Они жгут. Наверное, сейчас они прожигают насквозь мою кожу и плоть, иначе откуда эта адская боль, выедающая лицо?

Шагнуть вперед. На полшага. Просто чтобы дать себе возможность сделать вдох. Оттянуть свою казнь хотя бы на полминуты. И сквозь шум в ушах слышать непонятную возню за спиной. Затем что-то упало, и эльф с силой дёрнул меня к себе. Так, что ударились спиной о его грудь. Судорожно выдохнула остатки кислорода...и закричала, услышав тихое, наполненное чистейшей ненавистью:

– Лиат Руах...пришло время собирать осколки!

Не веря собственным ушам, открыть глаза и повернуть голову. Немного. Всего чуть-чуть. Достаточно для того, чтобы ощутить, как заледенела кровь от ярости в темно-серых глазах демона.

Глава 3

У предательства есть свой особый запах. Точнее, трупная вонь. Она забивается в легкие и отравляет ядом каждый орган в твоём теле, особенно тот, что качает по нему кровь. И, кажется, уже что вместо крови у тебя серная кислота, и именно она жжёт твою плоть изнутри, сжигает тебя, превращая в труп. И ты рад сдохнуть, только бы эта боль прекратилась. Только бы она перестала настолько сжигать твои внутренности, что у тебя отказывал разум.

Её предательство было воспринято мною так, словно эту кислоту в мои вены впрыснула именно она. Но я благодарен моей суке-сестре, моей долбаной демонической суке, которую я, идиот, допустил в свои чертовые вены, которую я трахал, которую я любил! Я благодарен ей за то, что ненависть дала мне силы. Я слишком размяк, я слишком превратился в мягкотелого влюбленного пса, готового вилять хвостом и лизать ноги своей хозяйки. Теперь я больше не питал иллюзий.

Теперь во мне были адские силы, способные взорвать Мендемай к такой-то матери.

Нам, освобожденным и озверевшим, дали в руки оружие. Вы представляете, на что мы были способны в этот момент? Те, кого всю жизнь принижали, те, кому запрещали говорить на их языке, называли рабами, те, чью культуру истребляли и считали непотребной, те, кто воспитывался и был взращен лишь для того, чтобы ублажать своих господ. И именно эльфы ими были. Именно они угоняли нас, как скот, в свои горы.

Тех господ, что когда-то пришли в наши земли. Одним прекрасным утром на наши города, деревни, на мирных жителей посыпались грады огненных шаров, полетели стрелы с огнем и ядом. И это после того, как с ними был подписан мир, после того, как они звались нашими братьями. Ведь что, по сути, демон и эльф. Это похожие сущности. Раньше наши миры были огромным целым. Это сейчас Мендемай разделился на несколько частей. Это сейчас нет никого более жуткого и злобного, мечтающего сожрать твои кости – чем твои соседи. А были времена, когда между нами кипела торговля, когда не было границ и кпп, когда эльфы и демоны женились между собой, работали друг у друга, рожали полукровок. Но это было так давно, что этого никто не помнит. Однажды им стало мало гор, и они решили захватить все. Они решили, что Мендемай должен принадлежать им и... и понесли позорное поражение. Отступили обратно в свои горы, и с тех пор мы не просто враги – мы кровные, ненавидящие друг друга проклятые миллионами смертей.

Я знал историю. Я знал, с чего началась война с эльфами и как они вероломно напали на приграничные деревни. Они и сейчас устраивали свои набеги на вишты, оставляя после себя разорённые дома и пепелища.

Братские могилы из сотен жителей вишт, кости животных и демонов... церберы, сжигающие трупы. Всего этого ужаса не описать словами.

Да... я был рабом у демонов, но выкупили и натаскивали меня именно эльфы, и я их ненавидел. Я эту ненависть впитал в утробе своей матери. Её я тоже когда-нибудь найду и посмотрю ей в глаза. Посмотрю и скажу ей... как сильно её любил и как мечтал снова сказать слово «мама»... не содрогаясь от ненависти.

Сейчас я был тем, кто взял в руки меч справедливой мести и оказался в самом логове врага, в самом его нутре. И я был готов убивать все живое.

Мой меч полосовал все, что движется, он резал, вспарывал, отрубал головы и конечности. Не вооруженные хрусталем, не ожидавшие нападения эльфы бросались врассыпную. Орала, плакали, молились... если эти твари имели кому молиться. Мы убивали их с самой адской жестокостью, на которую были способны те, над кем издевались всю их жизнь с самого рождения.

Пока мои братья устроили в лагере вакханалию смерти, мяса и костей, я искал свадебный шатер своей сестры, своей шлюхи, своей проклятой дырки, которая отправила меня на смерть.

Ооо, какие адские силы давал мне ее образ. Я стал бессмертен втройне. Она, как мое персональное знамя, испачканное моей кровью. Я нес ее внутри своего естества и посвящал ей каждую смерть. Ее собственная будет самой мучительной и долгой. Она не представляет, кем станет для меня. На что способен Арис Одияр... который думал, что его любят, и которого отправила на смерть та, что клялась любить.

И я нашел ее.

Продажная тварь. Вся в своего отца. Вся в свою мерзкую породу. Интересно, она уже раздвинула перед ним ноги. В шатре играет музыка, и она так продумана, что полностью заглушает звуки извне. Здесь не слышно, что творится наверху. Не слышно, как умирают остроухие твари.

Я отодвигаю полог и смотрю на них. Смотрю, как она трепещет перед своим мужем и как тот снимает с нее свадебную фату. Она во всем белом. Она так красива, что мое сгнившее сердце болит фантомными осколками любви и гниет дальше от ее лжи, от смрада, которым воняет каждый наноатом этого воздуха.

Едва руки эльфа прикасаются к ее спине, мой меч взлетает, и остроухая голова катится по полу в сторону, а тело медленно оседает на пол. Я хватаю Лиат за руку и изо всей силы разворачиваю к себе.

Глаза в глаза. Так, чтобы разбиться вдребезги в ее карих омуты. Разлететься на осколки, застонать от боли и снова соединиться воедино. Весь испещрённый шрамами изнутри, весь истекающий кровью.

– Лиат Руах, пришло время собирать осколки!

Заревел и схватил ладонью за горло, другой сдирая с ее шеи свадебное кольцо.

– Пора облачиться в траур! Ты теперь вдова! Поздравить только не успел.

– Ты знаешь, что может быть с тобой за это восстание?

– Тебя это волнует, принцесса? Или ты прямо сейчас смотришь и не понимаешь, как этот раб выжил? Ведь ты так старалась его похоронить!

Сдавил горло сильнее. Жаль, что демоны от этого не умирают! Как же хочется убить ее прямо сейчас, прямо сейчас выдернуть ее черное сердце. Но нет. Это слишком просто...слишком.

Она молчит. Надменно, высокомерно. И меня это молчание бесит еще сильнее, чем если бы она сопротивлялась. Мои люди уже надели на ее руки и ноги кандалы. Ее кожа шипела и дымилась от прикосновения хрусталя.

– Эльфы делают прекрасные цепи, кандалы и ошейники. Они рассчитаны на то, чтобы причинить максимум боли пленнику или рабу демону.

– Тебе ли не знать? – уколола и отвернулась. Мне виден ее красивый, чеканный профиль, и лохмотья сердца трепыхаются в груди и от адской боли, хочется заорать. Но вместо этого я сжимаю в руках ошейник, а потом разворачиваю ее голову к себе и захопываю его на ее нежной шее. Посильнее, так, чтоб она ощутила нехватку кислорода.

– С этого момента ты принадлежишь мне. С этого момента ты моя игрушка, моя рабыня, моя подстилка. Что захочу, то с тобой и сделаю!

– Сделай! – бросила мне в лицо и вздернула подбородок. Не выдержал и со всей силы ударил по лицу, так, что черная кровь брызнула из ран на щеке на ее белое платье. На моих глазах раны затянулись, а она так и не отвела взгляда от моих глаз.

Вижу ли я в ее глазах упрек, или мне кажется?

– Вот теперь ты узнаешь, что такое настоящее рабство, лживая шалава!

А перед глазами картинки, как она прижимается ко мне, как целует меня, как стонет для меня, как отдает мне свою девственность. Сука...она просто игралась мной, просто развлекалась от скуки. А когда надоед, слила. Подарила, мать ее. Подарила своему будущему мужу...

– На цепь тварь!

Выволок за волосы из шатра. Она не сопротивлялась, хотя могла. Но ее тело словно обмякло, она была обездвижена, полумертва. Я не понимал, почему не сопротивляется, но мне было насрать.

Когда вывел ее из шатра, она содрогнулась. Да, принцесса, мы здесь немного пошалили. Повсюду трупы, части тел, кровь. Ее море, вся земля пропиталась ею.

– Теперь это будет единственный запах, который ты будешь чувствовать...Лиаг.

– Смотри не пожалей об этом когда-нибудь, инкуб!

Сказала и посмотрела мне прямо в душу, выжигая ее своими темно-коричневыми, бархатными омутами.

– Я жалею только об одном, что раньше не выдернул твое черное сердце...Но тем слаще будет выковыривать его по кусочку.

– У меня больше нет сердца!

– Я найду, поверь. Найду и покажу тебе, во что его можно превратить и... я подарю тебе настоящую боль, принцесса Лиаг Руах.

– Хватит угрожать – выполняй!

– Я не угрожаю...это так, спойлеры. Любишь спойлеры, принцесса? А мне по х*й любишь ты их или нет.

Всех пленных заковали в хрустальные цепи и тащили следом за конями по заснеженной пустыне в сторону Мендемая. Она в толпе с презренными рабами, слугами, шлюхами и гладиаторами. На цепи, как и они. В своем гребаном свадебном платье.

Чем быстрее я скакал, тем быстрее она бежала. Пусть узнает, как медленно тянется время, когда ты на цепи. Проваливается в сугробы, спотыкается. Дааа, жара не так ужасна, как адский холод. Тебя мучает голод, ты мерзнешь и безумно хочешь пить. Но снег Мендемая – это не снег мира людей. Снег Мендемая ядовит, пропитан солью и ртутью, а также микрочастицами хрусталя с горных рек. Им нельзя утолить жажду.

Когда они слишком медленно плетутся, хлыст погонщика взлетает и опускается на их спины... и на ее в том числе. Вот она идет уже без прошлого величия и высокомерия, ее волосы растрепаны, платье превратилось в грязные лохмотья, рядом с ней тянутся обрубленные конечности тех, кто упал замертво, кто попробовал снег и умер в страшных мучениях.

На них не тратили время. Их просто отрезали от общей шеренги.

Обрубали наживую, пока те орали и корчились от боли, а потом истекали кровью. Несколько раз она блевала в снег...

Что такое, принцесса? Не нравится? Страшно и противно? Чтоб ты знала – нас так вели каждый день. Мы видели годами, как умирают наши собраты, сколько из нас без рук, без пальцев, без ушей. Только потому, что вам, господам, было весело на это смотреть. И я успел забыть, что ты, принцесса Мендемая, относишься к тем самым господам.

Скоро будет привал...И я подумаю – кормить ли тебя или посмотреть, как ты подышаешь от голода и жажды, принцесска?

Глава 4

Они не сказали, куда ведут нас. Они вообще не разговаривали с нами. Если, конечно, не считать, разговорами те гневные окрики и отборный грубый мат, сыпавшиеся на тех, кто плёлся слишком медленно или же слишком громко стонал от боли и усталости.

– Нет никого страшнее невольников, долгие годы проживших в кандалах и неожиданно обрётших свободу.

Высокий немолодой эльф рядом со мной остановился, оперевшись ладонями в согнутые колени и глядя прямо перед собой. Туда, где полосуют плетью очередного свалившегося.

Он то и дело облизывает потрескавшиеся сухие губы, заставляя в сотни раз сильнее самой ощущать проклятую жажду. Сколько мы идём уже? Я давно потеряла счёт времени, продолжая просто переставлять ноги вперед. Одну за другой. Шаг за шагом. Не глядя по сторонам, не прислушиваясь к словам, крикам и стонам, окружавшим меня. Впрочем, никто особо и не пытался заговорить с пленной принцессой демонов, справедливо виня в сложившейся ситуации именно меня.

Попыталась оттянуть ошейник, чтобы хотя бы ненадолго, на жалкие секунды освободить ноющую, стёртую до крови кожу шеи. Тщетно, он застегнул его слишком плотно. Хрустальные цепи звякнули. Этот звон...сейчас он казался вечным. У меня были сбиты в кровь ступни, стёрта до мяса кожа на запястьях и шее. В последний раз я ела, кажется, в другой жизни. Силы покидали моё тело с каждым пройденным километром, оставляя одну лишь оболочку, бледную, униженную, ослабленную оболочку принцессы, дочери самого Аша Абигора. Но именно этот звон убивал меня больше всего. Доносившийся отовсюду, со всех сторон, он будто резал наживую барабанные перепонки, оставляя лишь одно желание: любыми путями избавиться от ненавистного хрусталя. И дело не только в физической боли от него. Лишь бы больше не слышать его. Этот звук, означавший смерть нашей свободы.

– Впрочем, чего ещё ждать от демонов. Самые жестокие, самые беспринципные твари, упивающиеся чужой слабостью, – эльф протянул мне руку, когда движение вокруг вновь ожило, но я лишь помотала головой. Он всё видит. Наверняка, видит, что творят его люди. И в груди вдруг заныло от мысли: а если я оступлюсь? Если следующей упавшей без сил окажусь я? Позволит ведь... ещё и упиваться будет моей болью и унижением, как упивался всю дорогу, то намеренно несясь вперёд на своём коне, заставляя сбивать в кровь ноги в попытке успеть за шагом животного, то резко останавливаясь и вынуждая отскакивать от попадавших на обжигающий песок пленников.

– ВЫ же прекрасно понимаете, с кем разговариваете? – бросить на него мимолётный взгляд, чтобы остановиться и еле слышно выдохнуть, глядя на открывшийся перед нами вид. То ли море, то ли река. Правда, воды её были черного цвета, отражая обжигающие красные лучи беспощадного солнца. Красиво и в то же время жутко. Я никогда не была в этой стороне нашего мира.

– Люди называют подобные места оазисом, вы знали, принцесса демонов? Они считают благословением набрести посреди безграничной пустыни даже на маленькие островки с водой.

Вот только почему-то мне кажется, что в этом проклятом месте никаким благословением и не пахнет. Хотя бы судя по тому, как настороженно остановились повстанцы впереди. ОН спрыгнул с коня первым и подошёл вплотную к реке.

– Люди склонны видеть прекрасное во всём, где есть жизнь.

Не знаю, почему поддерживаю этот разговор ни о чём. Наверное, чтобы вновь не погрузиться в пучину собственных мыслей, в которой, кажется, провела весь путь до этого. Там, в этой пучине слишком страшно. В ней беспросветная тьма звенит абсолютным отчаянием, десятками важных, жизненно-важных вопросов, ответов на которые нет совсем.

– Тогда как вы, и вам подобные, – он кивнул в сторону погонщиков, – сеете одну лишь смерть за собой.

ОН садится на корточки у самой кромки воды и опускает руку в неё, не обращая внимания на окрик одновременно трёх или четырёх своих людей. Один из них подскакивает к Арису и цедит что-то на ухо, пытаясь оттянуть в сторону и указывая пальцем себе за спину. Арис оборачивается, проходясь равнодушным взглядом по нашей нестройной унылой шеренге...даже на секунду не останавливаясь на мне...и с улыбкой, такой ледяной и в то же время обещающей самые ужасные муки улыбкой указывает на меня.

– Кто в этой реке?

Ощущая, как перехватывает в горле от осознания, что это конец. Конец, Арис?

– Левиафан.

Не смотря на эльфа, чувствовать, как покрывается льдом вся кожа. Каждая клетка. Под палящими лучами солнца я покрываюсь льдом, пытаюсь сделать шаг вперед и не ощущая ног, которые свело. Не от страха, нет. От боли. Ведь всё это время я думала, что он не сможет меня...

И уже почти преодолев сопротивление собственного тела, всё же суметь сдвинуться со своего места, чтобы едва не упасть прямо на стоящую рядом со мной эльфийку, потому что один из демонов, небрежно подталкивает в спину Вигена, демона, состоявшего в моем отряде и получившего ранение в руку. Он проходит мимо, не смотря мне в глаза, подталкиваемый отвратительно хохочущим ублюдком, прямо к Арису, прямо к чудовищу, спрятанному под водой. То есть не меня?

– Принцесса зря боится. Бывший пленник не такой идиот, чтобы лишиться последнего рычага давления на самого Аша.

– Заткнись!

Потому что разозлилась. Да! Потому что он прав. Арис использует меня, да. Он обещал мне муки? Он их преподнесёт. О, я была уверена в этом. Как и в его неприкрытой жажде расправиться со мной. Но он, действительно, не был настолько глуп, чтобы не использовать меня в своих целях.

Вот только уставший, истерзанный разум отказывается до конца это понимать.

И ОН видит это. Поэтому ухмыляется. Коротко, но достаточно, чтобы показать, что понял, что ощутил мой страх.

Эльф отступил в мою сторону, тяжело выдыхая и давая пройти вперёд небольшой толпе позади нас. Где-то слева недовольно фыркнула лошадь, а затем раздался оглушительный крик боли.

– Не стоит смотреть туда, – эльф встал так, чтобы закрыть собой раскинувшееся обманчиво прекрасное и невероятно опасное озеро, к которому нас привели.

– Удивительная забота о предводительнице самых жестоких и беспринципных тварей...

Процедила сквозь зубы, попытавшись обойти мужчину и всё же посмотреть, что там происходит.

– Ни в коем случае не забота. Скорее, здравый смысл и некая...mmm...жалость? – эльф склонил голову набок, – Впрочем, не в вашем положении ведь выбирать, принцесса.

Что вообще он от меня хочет? Сотрудничества? Но что я могу предложить ему? Понимает ли он, что здесь, в этой шеренге пленных, я — самое ничтожное, самое бесправное из всех существо. По крайней мере, для главаря повстанцев.

Прикусила губу, ощущая, как накатывает раздражение.

– Что вам нужно? Вы ведь не просто так заговорили со мной?

– Сейчас? О, принцесса, – дьявол, он это слово всегда произносит с таким презрением, что хочется впиться ногтями в его худое вытянутое лицо с выцветшими когда-то голубыми глазами, – сейчас мне от вас ничего не надо.

– Тогда что вы можете мне предложить?

– Пока что только информацию.

Громкий визг и омерзительные чавкающие звуки заставили вздрогнуть и отступить назад. Подальше от моста, перекинутого через реку, которая сейчас...пенилась???? Что за чертовщина? Её чёрные волны в одном только месте вздымались, ударяясь вниз с огромной силой, будто кто-то бил хвостом по воде. Нечто большое, с вытянутым туловищем и огромной зубастой пастью выскользнуло вверх, чтобы камнем упасть в толщу воды, куда скинули несчастного Вигена. Всего несколько мгновений криков нечеловеческой боли, и река тут же словно успокоилась, погружаясь в абсолютную тишину. Ни всплеска. Притихла. Словно хищник в ожидании своей добычи.

– А она и есть самый настоящий хищник, который может поглотить любое живое или даже вечно-живое существо, – судя по скучающему тону эльфа, я произнесла те свои мысли вслух.

– Откуда здесь взяться левиафану? Даже демоны не смогли в своё время поймать этих чудищ.

– Зато это удалось эльфам. Они наши цепные псы на границе с Мендемаем. И они же — наше самое беспощадное оружие, когда речь идёт о наказании высших существ.

– Нужно быть совсем психами, чтобы позволить подобной твари обосноваться на своей земле.

– Мы окружены демонами и прочей жестокой нечистью, принцесса, – эльф вновь недовольно поморщился, когда повстанцы с отвратительным хохотом столкнули в реку нескольких его отчаянно сопротивлявшихся сородичей, – приходится быть настороже.

– Однако самым жестоким оружием запаслись именно эльфы. Как вы думаете, куда они нас ведут?

– Это именно то, что я и хотел вам предложить, – он вернулся к теме разговора, когда повстанцы засвистели, загоняя народ на мост...они реально считают, что кто-то рискнёт пройти по нему после увиденного?

– Ну так что?

– Как насчет вашего друга и слуги? Эйнстрема? Вы знаете, где он?

Вскинуться, подавшись вперёд, к мужчине, попытавшись вцепиться в ворот его истрёпанной, разорванной в нескольких местах рубахи.

– Говори? Что ты знаешь о нём?

Эйнстрем...мой дорогой...мой родной. Весь этот путь мысли о нём и о родителях, о Мендемае в целом и о моём народе не оставляли ни на миг. Его не было с нами, и это могло говорить только об одном: Эйнстрем мёртв. Он никогда бы не оставил меня. Я была уверена в этом. Только не он. А значит, они его убили. Эти твари...или же ему удалось сбежать? Возможно, он смог скрыться, чтобы найти отца и привести его ко мне на помощь? О, как же я надеялась на это, пусть и понимала, что этот шанс слишком мал...слишком мизерный, почти невероятный.

– Что, принцесса, – и застыть в миллиметрах от шеи эльфа, услышав немного хриплый, сочащийся униженным ледяным сарказмом голос за своей спиной...когда он успел приблизиться настолько близко, – или же мне назвать тебя королевой эльфов? Впрочем, плевать, – Арис больно дёрнул меня к себе за локоть, смерив пустым стеклянным взглядом, – в любом случае тебе стоит подать достойный пример своему народу и взойти первой на этот мост!

Он потащил меня за собой и одним движением толкнул вперёд, туда, где под деревянными опорами начала пузыриться вода.

– Прошу, Ваше Величество! Ваши верные рабы последуют за вами.

Вот она босая идет к мосту...похожа на изваяние из льда, а меня обуревают самое адское пламя.

Лиат...ее имя в переводе с древнего языка «моя ты». Только ни хрена она не моя. Ни хрена я не получил сердце этой равнодушной и лживой твари. А так мечтал. Ради нее готов был сдохнуть, наверное, я бы даже смог отступить от мести.

Моя...сколько раз я говорил ей, что она моя, и она повторяла, что так оно и есть. Глупый идиот. Размечтался, что дочь такой мрази, как Аш, может по-настоящему любить. Мрази, которая избавляется от всех, кто напоминает о сопернике.

Я знал все подробности смерти Фиена. Знал, за что он пострадал, знал, как он был предан своему господину и умер как собака, никто не сжег его прах. Я хочу заставить Аша испытывать такую же боль. И не только Аша. Его дочь также познает все оттенки этой боли. Я научу ее привыкать к ней.

Скоро чудовище ощутит ее запах...Ее смерть будет мучительной, если я этого захочу. Она будет настолько ужасной, что ей самой будет мечтаться о последнем вздохе. Левиафан...он не убивает свою жертву медленно. Вначале он живьем снимает с нее кожу и жрет, потом поедает конечности. Адская и мучительная гибель.

Я вижу, как побледнело ее лицо, она знает об этом. Но не знает одного – я инкуб, и любая тварь в этом мире повинуется моим приказам, если только не умеет им противостоять. Этот монстр не умеет.

Шаг за шагом ступает к пропасти. Мне нравится смотреть на босые ноги, идущие по каменным сводам. Мост похож на скелет гигантского скорпиона. Он так и называется – скорпионья переправа.

На столбы, утопающие в черной пучине, налипли сотнями ядовитые твари с острыми, как ножи, жалами. В эти зимние месяцы года они спариваются и не опасны для нас. Все остальное время – переправа смертельна для любого существа.

Ветер треплет иссиня-черные волосы принцессы, они развеваются и змеятся по ее прекрасной, ровной спине. Она так грациозна несмотря на кандалы, несмотря на грубый ошейник. Настоящая королева. И мой гнев смешивается с восхищением – не склонила головы, не согнула спины.

И в то же время я злорадно ухмыляюсь – склонит, сломается, станет на колени. Я поставлю.

Пучина пенится, играет, бурлит и вдруг разверзается в две стороны, и гигантская тварь выскакивает из нее во весь свой рост. Чудовище похоже на дракона. Это и есть дракон, но только морской, и живет на дне Скорпа. Язык твари, он же лезвие, с тремя ответвлениями, этим языком монстр делает надрезы и стягивает с жертвы кожу, предварительно обездвигив ее, затянув в кольца своим упругим чешуйчатым хвостом.

Лиат в ужасе замирает, вскинув голову и глядя в пасть чудовища, чей язык змеится прямо над ее головой.

Еще мгновение, и монстр вонзит в нее свое жало. Мысленно прорываю оболочки мозга твари, отдавая приказ остановиться...впиваясь в его сознание, вплетаясь в него и контролируя каждое движение, практически становясь им, завладевая его разумом и видя его глазами.

Ее! Ощущая алчность и дикое желание голодного монстра сожрать свою жертву и разделяя его всем своим гнилым сердцем.

Приближаюсь к ней огромной и мощной головой морского дракона, высовываю язык и веду по ее плечу, так, чтобы на нем появилась тонкая струйка крови. Она содрогается всем телом и закрывает глаза. Ей страшно. Но все же стоит, не бежит, держится.

И я понимаю, что она умрет, но не покажет свой панический ужас. А я упиваюсь вкусом ее крови и полностью держу зверя под своим контролем.

Даю ему власть поглумиться над ней, то приближаясь, то отдаляясь под адские вопли эльфов и демонов, застывших в смертельном испуге.

Пока вдруг не вижу, как ее взгляд застывает на мне... и...она начинает понимать, что происходит. И делает первый шаг по мосту, второй. Не обращая внимание на беснующееся животное, на его раскаленное жало, оставляющее следы на ее коже.

Мне становится неинтересно, и я заставляю тварь исчезнуть в пучине и уснуть на ее дне, пока мы не перейдем переправу.

Пленные несмело тянутся за Лиаг. Ступают на мост, оглядываясь по сторонам. Идут следом.

Скоро сделаем привал. У Черной змеиной горы, которую охраняют Горгоны...

Я дернул цепь, и пленница упала на колени, проползла по ледяному песку и снова встала. Окровавленная, жалкая именно такая, какой я и хотел ее видеть.

Пришпорил коня и поравнялся с ней.

– Сегодня ты не умрешь, принцесса...

Намотал цепь на запястье и заставил ее идти рядом с моим конем. Как собаку.

– А когда – да?

– Когда мне наскучит с тобой играть или когда твой отец выкупит тебя...это будет означать, что Мендемай ему больше не принадлежит. Как думаешь – твой отец обменяет тебя на свой трон и свою корону?

– Нет!

– Значит он смирится с тем, что его дочь станет подстилкой беглого раба?

– Мой отец прежде всего правитель. И все подданные – его дети. Обо мне он подумает в последнюю очередь.

– Да? Значит, хочешь сказать, что я просчитался и ради власти он откажется даже от тебя?

– Возможно!

– Тогда я не завидую тебе.

– А я тебе!

Вздернула подбородок и нагло посмотрела мне в глаза.

– Зачем все это, если, даже поработив меня, ты не добьешься своих целей?

– Ошибаешься! Я всегда добиваюсь своих целей! И либо твой отец согласится на обмен, либо я насажу его голову на свой меч и буду играть ею в мяч!

– Или он насадит твою.

– И это не исключено. Но я попытаюсь. Ради этого я живу и сражаюсь за свободу!

– Что тебе до моего отца? Что он сделал тебе? Почему ты так его ненавидишь? Это... это ведь что-то личное?

И я вдруг понял, что хочу сделать ей еще большее, хочу вонзить кинжал правды в ее сердце.

– Когда-то у одного демона огня был друг-инкуб...когда-то они вместе отвоевывали свободу и земли для бастарда. Пока демон не встретил ангела с ослепительно белыми волосами и не сделал ее своей любовницей... а потом Верховный демон попал в плен к эльфам, и все остальные посчитали его мертвым. Женщина с белыми волосами умирала от горя, ей сообщили о гибели детей в мире смертных... а друг Верховного демона спас ее от смерти. Они поженились. И у нее родился сын...А потом Верховный демон вернулся из плена и казнил своего друга. Он отрезал ему голову. Не разбираясь. Сына продал в рабство... и зажил припеваючи вместе с женщиной с белыми волосами. Ее он простил. И через время она родила ему дочь.

По мере того, как я говорил, она бледнела, она мертвела, и ее взгляд наполнялся отчаянием и непониманием.

– Так вот сын этой женщины перед тобой... А кто ее дочь? Я думаю, ты уже догадалась сама!

Глава 5

«Неправда. Он лжёт. ОН ЛЖЁТ!»

Пальцы сами тянутся к запястью, покрытому кандалами, к самому краю, где заканчивается хрусталь.

«Конечно, он лжёт. Он же чёртов инкуб. Демон пустоты. Пустоты, наполненной ложью».

Ногти впиваются в кожу, счёсывая её. Слишком слабо. Надо сильнее. Так, чтобы до крови. Нет. ДО мяса.

«Всё, что он говорил мне. Всё, что он показывал мне. Всё, что делал со мной. Всё — ложь. Ты же уже убедилась в этом, Лиаг!».

Яростнее. Крови мало. Слишком мало. Надо до мяса. Вогнать в собственную плоть ту грязь, что на руках, что под ногтями. Потому что, если это правда...если хотя бы часть из того, что он сказал, правда, то ты и так уже грязная.

«Да, ты убедилась. Стоя в самом дальнем углу одной из множества пещер Змеиной горы, босая и в изодранной тяжёлым путём одежде, с руками, закованными в кандалы...лишь потому что чуть ранее посмела поверить ему...демоны...поверить ему безоговорочно. Разве ты не убедилась ещё, что вся суть его — ложь. Обман. Сплошной обман. Его речи, его история, его чувства...его обещания, данные там, высоко на небе, куда ты ещё никогда не поднималась и откуда ещё никогда не падала на самое дно».

Оглянуться, сквозь марево заторможенного сознания пытаюсь понять, как оказалась я здесь. Как прошла весь этот проклятый путь от переправы до Змеиной горы. Я не помнила ничего. словно его слова...те самые слова, брошенные мне у моста, стёрли последующие часы моей жизни. Как я удержалась на ногах? Как вообще смогла дойти сюда? Почему не отступила назад? К мосту? К пучине, где всё ещё ждало чудовище?

Потому что не поверила! Не до конца? Несмотря на ярость, охватывавшую лицо инкуба с каждым следующим словом...не смогла поверить. Потому что это было бы слишком даже для него!

И в голове оглушительным хохотом издевательское: «Как будто ты знаешь, КАКОЙ на самом деле этот инкуб?! Что вообще о нём ты знаешь? Зовут ли его на самом деле Арис? Твоего предателя? Твоего любовника? Твоего брата?»

Нет! Нееееееет! Он не может быть одной со мной крови...не мог появиться из одной со мной утробы! Пальцы всё злее впиваются в плоть, теперь уже другой руки. Давай, Лиаг, так нужно. Причинить себе боль. Любую физическую, чтобы не сдохнуть от той, что вилась выюгой внутри. Раздери свои руки до самого мяса, ороси эту проклятую землю своей высокородной кровью, пусть все видят, насколько грязной, насколько испорченной она может быть!

Как он мог? Зная, что я его...Как, чербер его раздери, он мог?! Как же неистова его ненависть к матери? Ко мне? За что ко мне?

«За то, что ты — ЕГО дочь! Дочь убийцы его отца...а ещё — дочь его матери. И тут же горьким воспоминанием:

«— А твоя мать?

— Она была шлюхой!

Отстранённо. Быстро. А я окаменела, не зная, что сказать. В нашем мире очень скоро самые добродетельные демоницы становились развратными женищинами, наставлявшими рога своим мужьям, пока те находились в походах. Впрочем, для маленького мальчика эта неприглядная сторона матери могла оказаться самым настоящим потрясением. Как часто я

ловила себя на мысли, что благодарна, да, именно благодарна своим родителям за ту любовь и верность друг другу, которую наблюдала между ними.

– Была?

– Она тоже умерла, когда я был ребенком.

Зажмурилась, всё же не сдержав слёз. Мой любимый. Сколько всего ему пришлось пережить, будучи совсем еще маленьким...»

Но в таком случае, когда он обманывал? Тогда? Или же сейчас? И нет, нетнетнет! Не думать, гнать мысли о том, что ложью являлись его прежние слова. Легенда, которую он придумал, чтобы приблизиться ко мне. Дьявол...приблизиться и осквернить собственную сестру? Успокоиться. Необходимо успокоиться. Потому что он ведь не считал никогда тебя своей сестрой, иначе убил бы. У него были сотни возможностей сделать это. Но нееет... ему мало бы кинуть мою голову под ноги своей...чёёёерт...нашей матери и Ашу. Ему надо было уничтожить меня! Самым верным способом, которым только можно уничтожить, растоптать в грязи женщину.

«И ты ведь поверила...твои генералы, твой лучший друг предупреждали тебя не верить ему, а ты...ну какая же ты дура! Какая же ты идиотка, Лиат! Грязная, никчёмная идиотка! Или же ты всё-таки попалась сейчас? Что если...

Но никаких если! Левая рука ускоряется, всё сильнее, еще злее потрошит запястье правой, пока сознание подкидывает концовку того диалога. А на что ты надеялась, дурочка? Нееет...тогда он не лгал. Как не обманывал и пару часов назад.

«– К сожалению, она умерла только для меня.

– Для тебя?

– Да. Она жива. Где-то.

– Тебя похитили у неё? Она потеряла тебя?

И снова тихий смех, полный ярости...полный ненависти, такой ледяной, что я прижалась к нему сильнее, чтобы согреться...пока не поняла, что этот холод шёл от его кожи.

– Нет. Она оставила меня, а сама ушла с другим мужчиной. С тем, кто сделал меня рабом. Она продала меня за сытую и спокойную жизнь с убийцей моего отца.

– Арис...

– А знаешь, я был не прав, называя её шлюхой. Шлюхи ведь продают собственное тело, чтобы прокормить своих детей. А как назвать ту, которая продала своего ребенка, чтобы сохранить свое тело? Как, Лиат?

Смотрит в глаза напряжённо, и во взгляде та самая ненависть изморозью, уродливыми узорами жажды мести и ярости.

Качаю головой, неспособная произнести ни слова, сжавшаяся невольно, потому что показалось...почему-то показалось, что там, в этом инее узоров сплелись буквы моего имени.

А он ошарашенно провёл пальцами по моей щеке, стирая слёзы, и прижался поцелуем к моим губам.

– Когда-нибудь она сама ответит мне на этот вопрос. Когда-нибудь она даст мне ответ, стоя на коленях и размазывая кровавые слёзы по лицу.

– Я знаю, любимый.

И теперь уже прижаться к его губам самой, чтобы выдрать, нагло выдрать из них хотя бы часть той боли, что сейчас разъедала его самого. Пусть отдаст её мне всю. Эту тварь, что подтачивала его изнутри все эти годы. День за днем. Час за часом. Хотя бы на мгновение освободить его от нее, чтобы мог вздохнуть полной грудью.

– Я верю в это.

А он ухмыльнулся отрешённо, отводя взгляд. Чтобы через секунду перевернуться со мной на руках, подминая под себя и набрасываясь голодным, обозлённым зверем. Он никогда не любил меня вот так...Ни до, ни после этого разговора. Отчаянно. Зло. Так, будто ему доставляло боль каждое прикосновение. Но он жадно шёл за этой болью, ведя за собой к ней и меня. А мне впервые захотелось в неё окунуться. С ним. А лучше – вместо него...»

Наивная...такая глупая, наивная! Окуналась? О, ты окуналась в это дерьмо полностью. С головой! Теперь жри эту боль! Не смей на неё жаловаться, дрянь! Принцесса Мендемая!

И согнуться, упасть на корточки от вырвавшегося смеха из груди.

«Какая к чёрту принцесса? Так — шлюха мятежного инкуба...нееет, подстилка собственного брата! Вот что тебе подходит, Лият! За то, что была слишком самонадеянной. За то, что пренебрегала советами своего окружения. Теперь хлебай эту боль полными ложками. Захлебнись в ней! Утопись так, чтобы никто не смог вытащить оттуда!»

– Принцесса! Принцесса! – чей-то голос, торопливый, тихий, прорезывает вязкое болото боли, в которое погрузилось сознание, чьи-то холодные руки цепляются за мои, заставляя откинуть их от себя с шипением. Пусть я закована, пусть я пленница, но я до сих пор сильнее любого из таких же пленников.

– Дьявол! Принцесса, прекратите себя истязать! Очнитесь!

И замереть от неожиданной физической боли. От хлёсткой пощёчины, обжёгшей скулу.

– Какого...

И перед глазами тот самый эльф. Его побледневшее лицо, когда понял, ЧТО только что сделал.

– Простите, Принцесса, но вы будто были в отчаянии, и я не нашёл иного способа привести вас в чувство.

– Что тебе надо от меня?

Внутренне содрогаясь от осознания, что кто-то видел меня в этой слабости. Наверное, многие из тех, что сейчас находились неподалёку.

– Почему ты вообще трёшься возле меня?

С шипением отбросив его руку и вставая на ноги, выпрямляя спину, глядя на то, как поднимается и эльф передо мной.

– Потому что вы — дочь Аша, потому что вы — наша королева, наша единственная надежда на спасение от этих обезумевших исчадий Ада. Слышите, Принцесса, крики из соседней пещеры? Это ваши демоны...ваши рабы, те, которые должны прислуживать вам, терзают пленников преданного...преданных вам народов! Не знаю, что сказал вам этот ублюдок-инкуб, но...

– Достаточно.

Процедить, чувствуя, как упреки этой высокомерной твари ложатся тяжёлым грузом на душу. Могильным камнем прямо туда, куда часами ранее втоптали меня кожаные сандалии единоутробного брата. Нет...инкуба. Предателя. Он прав. Чёртов эльф прав. Я должна собрать себя. Как бы больно ни было. Сейчас собрать себя воедино из всех тех кусочков, на которые ОН с таким удовольствием разбил меня. Ради тех, кто всё ещё остался мне верен. Ради отца и матери, которым угрожает этот псих. А ещё...ради того, чтобы смотреть, как окрашивается в кроваво-красный его фирменная чёртовая ухмылка. Я сама сотру её с его лица. Я верну раба на его истинное место. А после этого можно и распасться на тысячи осколков боли. После этого я обязательно досыта буду упиваться ею. Потому что заслужила. Нет. Потому что заслужила ТОЛЬКО ЭТО. Но после. Не сейчас.

Уверенно пройти через всю пещеру к одному из стражей, оставленных следить за нами, но явно увлеченному тем, что происходило в соседней пещере, откуда доносились вопли боли и хриплые громкие стоны удовольствия насильников.

– Где твой командир? Отведи меня к нему!

Демон резко разворачивается и усмехается, оглядывая с головы до ног.

– Зачем? Принцесса желает присоединиться к нему?

– Кто ты такой, чтобы я отвечала на твои вопросы? Отведи меня к нему, глупый раб.

– Ах ты дрянь!

Демон соскочил с камня, на котором сидел, то и дело поглаживая явно вставший член, и дёрнул меня за руку на себя:

– Соскучилась по мужским объятиям, а, Лиаг? Или ты думаешь, мы забыли, что ты лишь подстилка нашего командира? Всего лишь богатая сучка, которую он завалил, чтобы беспрепятственно совершить мятеж. Была подстилкой, – ещё один рывок на себя, но мне удается устоять на месте, – но он, кажется, потерял к тебе интерес. А значит, теперь тобой может воспользоваться любой из нас.

– Так пойдём спросим у него, демон? А? Или рискнёшь без разрешения своего жоака?

Урод оскалился, шагнув ко мне.

– Как ты дожил здесь до своих лет, придурок? Отведи меня к инкубу, и он не вспорет твоё наглое брюхо и не оторвёт колом торчащий отросток за то, что польстил на его сучку? Уверен, что интерес потерян навсегда, м?

И сомнение, промелькнувшее в его желтых глазах, подсказывает, что демон услышал и, что важнее, – понял меня.

– Присмотри тут, – бросил второму ублюдку, молча наблюдавшему за нами, и потянул меня прочь. Через небольшой узкий проход между двумя выбоинами в горе. Всё ближе туда, откуда доносились омерзительные звуки насилия, где даже древние камни пропитались вонью животного страха, адской боли и похоти, и где отовсюду раздавались пьяные подбадривающие окрики и улюлюканья. Пир демонов во всей его красе...а в самом его центре сидел на импровизированном королевском троне, сооружённом из несколькими крупными пологих камней, Ар...ОН. Инкуб. Сидел, оглядывая с довольной улыбкой или, скорее, оскалом творившуюся вокруг вакханалию. С флягой с огненной жидкостью в левой руке и с правой рукой, впившейся в белоснежные волосы молодой эльфийки, умело насаживая её рот на свой член.

– Сукин сын...

Вывалось шёпотом. Кажется, еле слышно, но ОН услышал. Потому что резко посмотрел на меня и усмехнулся. Подмигнул, подзывая к себе, и я едва удержалась на ногах, не упала от сильного толчка сзади. Подошла к нему близко. Настолько, что между нами осталась лишь фигурка эльфийки, продолжавшей жадно посасывать его достоинство.

– Что такое, принцесса? – инкуб вдруг резко склонился ко мне, одновременно прижав голову девушки к своему паху, не позволяя ей вырваться, – Хочешь присоединиться к нам? Может, покажешь ей, как правильно это делать? – кивнул вниз, – у тебя лучше получалось, насколько я помню, – облизнулся плотоядно, а у самого в глазах чёрная, непроглядная тьма беснуется.

– Поговорить хочу.

– Неинтересно.

Бросил, вновь присасываясь к фляге.

– Нам надо поговорить.

Молчит. Руку расслабил, которой голову эльфийки придерживал, откинулся назад и выкрикнул одобрительно на какой-то особо громкий вскрик боли и такой же громкий рык удовольствия.

Мерзкий...какой же ты мерзкий, инкуб. А как притворялся...Как же искусно притворялся, изображая заботу. И тут же застыть, когда он вдруг потянул носом и нахмурился, опуская взгляд. Несколько мгновений смотрел на мои руки, и я убрала их за спину, пряча следы собственной слабости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.